

Дворец Синцин

Из резной курильницы лениво поднимались струйки благовонного дыма, медленно тая в прохладном воздухе покоев.

Вдовствующая императрица, восседавшая на возвышении, чуть приоткрыла веки. Во взгляде её на мгновение блеснула острая, пронизательная мысль.

— Ты видел это своими глазами?

Коленопреклонённый слуга, коснувшись лбом узорчатого пола, почтительно отозвался:

— Да, ваше величество. Ничтожнейший своими глазами видел, как экипаж Восточного цеха увёз Пэй Чанъина. Когда юноша выходил из повозки, рядом был сам Вэй Шаньцюэ.

— О? — Вдовствующая императрица удивлённо приподняла брови, явно заинтригованная. — Неужто эта синица соизволила явиться самолично?

Вэй Шаньцюэ был преемником покойного главы Восточного цеха, возвращённым им лично. Попущением покойного императора власть Восточного цеха при его преемнике разрослась до немыслимых пределов.

Из-за этого и вдовствующая императрица, и сторонники молодого государя скрежетали зубами от бессильной злобы. И всё же враждующие фракции не спешили объединяться против общего врага, опасаясь поступиться собственными выгодами и позволить сопернику пожать плоды чужих трудов.

Изначально императрица планировала забрать Пэй Чанъина во дворец на пару лет. Это не только укрепило бы её благочестивое имя в народе, но и дало бы ключ к верности некоторых военачальников. Пусть среди Императорской гвардии у неё хватало приспешников, паркетные гвардейцы не шли ни в какое сравнение с закалёнными в боях полководцами, познавшими вкус настоящей крови.

Однако визит Вэй Шаньцюэ к мальчику заставил её переменить планы.

Простодушные, прямолинейные генералы не питали к Восточному цеху особой вражды — лишь потому, что агенты Восточного цеха пока не посягали на их честь. Но что, если юный Пэй Чанъин пострадает под крылом главы Вэя? Что, если он и вовсе расстанется с жизнью?..

— Что ж, — тихо усмехнулась вдовствующая императрица. — Мы заставим эту синицу вырыть себе могилу собственными руками.

«А что чувствуешь ты сам?»

Воспоминание всплыло в разуме Вэй Шаньцюэ незванным гостем. На кончике его кисти скопилась тушь; сорвавшись вниз, чёрная капля тяжело упала на бумагу и медленно расплылась тёмным пятном.

С малых лет он тенью следовал за прежним главой Восточного цеха, постигая науки и воинское искусство, и успел пресытиться зрелищем пыток и казней. К десяти годам он уже вникал в дела Восточного цеха, послушно ступая по проложенной для него колее. Шаг за шагом он шёл к безграничной, устрашающей власти.

И за всю жизнь ни разу не спросил себя: а кто же он сам? Что он за человек?

Ответа на этот вопрос у него не было.

Страхнув оцепенение, Вэй Шаньцюэ заметил, что клякса пришлась точнёхонько на одно из имён. С тонкой полуулыбкой он обвёл имя Чжоу Ляня ровным кругом, смешивая тушь с пролитой каплей.

Этот простой росчерк вынес смертный приговор: жизненный путь несчастного был завершён.

У входа слышался тихий шорох. Шаньцюэ небрежно прикрыл документ чистым листом.

— Входи. Хватит скрестись у порога.

Шорох за дверью замер. Спустя мгновение створка приоткрылась, и в образовавшуюся щёлку просунулась любопытная голова.

Пэй Чанъин с весёлой улыбкой ввалился в кабинет и, подбежав к столу, навалился грудью на резную столешницу:

— Я пришёл поблагодарить тебя!

— Одежда пришлась впору?

— Как раз! Но откуда ты узнал мои мерки?

Вэй Шаньцюэ окинул юношу оценивающим взглядом. Тёмно-бирюзовый шёлк сидел на нём безупречно, подчёркивая ладную, гибкую фигуру. Перед Вэй Шаньцюэ стоял истинно

благородный, статный молодой господин.

— Мой глаз точнее любого аршина.

На допросах ему хватало одного взгляда, чтобы срезать с пытаемого ровно цзинь плоти — ни вершком больше, ни вершком меньше.

Чанъин скосил глаза на стол, заметив краешек слегка помятого листа. Уверенные, размашистые штрихи складывались в величественные очертания бескрайних гор и рек Поднебесной. Юноша восхищённо выдохнул:

— Ого, ты умеешь рисовать! Да ещё так красиво! Если бы я владел кистью хотя бы вполовину так же хорошо, отец хвастался бы мной перед каждым встречным.

При упоминании погибшего генерала Пэя на лице юноши не отразилось ни тени уныния или скорби.

— Я найму тебе наставника, — невозмутимо произнёс Шаньцюэ.

— Ну уж нет! — Чанъин так забавно сморщился, что стал похож на надувшегося ребёнка. — В тот же день, когда этот старик переступит порог, я соберу вещи и вернусь в усадьбу генерала.

«Этот паршивец целыми днями только и делает, что машет мечом! Каких учителей я ему ни нанимал — всех до единого до белого каления довёл!»

В памяти Вэй Шаньцюэ всплыл сокрушённый голос покойного полководца. Глава цеха мягко возразил:

— И как же ты собираешься постигать премудрости военных трактатов, если не желаешь учиться грамоте? Их слог витиеват и труден для неуча.

— Стану расспрашивать знающих людей! — с обезоруживающей уверенностью отрезал Чанъин.

<http://bllate.org/book/20384/2106043>